

УДК 336.7(092)(73)
ББК 65.9(7Сое)26
Л53

Edwin LeFevre
REMINISCENCES OF A STOCK OPERATOR

Лефевр, Эдвин.

Л53 Воспоминания биржевого спекулянта / Эдвин Лефевр ;
[перевод с английского]. — Москва : Эксмо, 2021. — 368 с. —
(Классика мировой бизнес-литературы).

ISBN 978-5-04-120798-4

Известные трейдеры современности в один голос заявляют: книга «Воспоминания биржевого спекулянта» является одной из важнейших в их жизни. Почти 100 лет она регулярно переиздается и заслуженно стала классикой биржевой литературы. Книга представляет собой художественную биографию одного из величайших трейдеров в истории — Джесси Ливермора по прозвищу Великий Медведь. Автор рассказывает о пути главного героя, начиная с 15 лет, когда он работал в брокерской конторе, до зрелого финансиста, который уже не раз терял и зарабатывал состояние.

Книга является обязательной к прочтению как начинающим, так и опытным инвесторам.

В книге Эдвин Лефевр делится:

- секретами биржевой торговли Ливермора;
- психологическими аспектами спекуляций;
- атмосферой Уолл-стрит начала XX века;
- подробностями реальных исторических событий.

УДК 336.7(092)(73)
ББК 65.9(7Сое)26

ISBN 978-5-04-120798-4

© Edwin LeFevre, 1923
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

• СОДЕРЖАНИЕ

.....

Глава 1.....	4
Глава 2.....	20
Глава 3.....	38
Глава 4.....	48
Глава 5.....	67
Глава 6.....	82
Глава 7.....	97
Глава 8.....	105
Глава 9.....	122
Глава 10.....	142
Глава 11.....	158
Глава 12.....	173
Глава 13.....	192
Глава 14.....	207
Глава 15.....	226
Глава 16.....	236
Глава 17.....	254
Глава 18.....	272
Глава 19.....	282
Глава 20.....	296
Глава 21.....	305
Глава 22.....	324
Глава 23.....	348
Глава 24.....	361

4 **Я** поступил на работу, как только окончил семилетку. К счастью, для меня нашлось место в брокерской конторе. Я всегда был на короткой ноге с цифрами и в школе за год освоил трехлетний курс арифметики – лучше всего у меня получалось считать в уме. Мои рабочие обязанности состояли в том, чтобы в торговом зале мелом записывать текущие биржевые котировки на гигантской доске. Как правило, кто-нибудь из клиентов сидел рядом с телефоном и оглашал котировки. Я без труда запоминал их, ведь с числами у меня всегда все было замечательно.

Кроме меня в конторе было еще много сотрудников. С некоторыми из них у меня, конечно, сложились приятельские отношения, но, когда на бирже дела шли бойко, я был так занят с десяти до трех, что не оставалось времени даже перекинуться словечком с коллегами. Но я не особо расстраивался – работа есть работа.

Она захватила все мои мысли. Для меня котировки не означали стоимость акций – такое-то количество долларов за штуку. В моем уме они были просто цифрами. Естественно, с неким собственным смыслом. Котировки все время менялись. И меня увлекала только поразительная изменчивость сама по себе. Почему так происходит с цифрами? Объяснения у меня не было. Да и какая разница, решил я и не стал углубляться в вопрос. Я просто отмечал, что это происходит, и пять часов подряд в будние дни и два часа по субботам размышлял только об одном – что они постоянно меняются.

Так у меня впервые возник интерес к движению биржевых цен. Я уже говорил, что природа наделила меня отличной памятью на числа, и я помнил во всех подробностях, как изменялись цены накануне, перед тем как перейти к росту или падению. Моя любовь к устному счету очень мне помогла.

Я заметил, что котировки акций, росли они или снижались, как правило, демонстрировали, скажем так, конкретные привычки, или закономерности. Я довольно часто замечал те или иные повторяющиеся особенности поведения акций и мог делать выводы на основании прецедентов. Мне было только четырнадцать, но даже мои не слишком долгие наблюдения за поведением акций убедили меня, что я нашел верные закономерности благодаря сравнению изменения котировок в разные дни. Не прошло много времени, как я уже умел предугадывать движение цен. Единственное, на чем основывались мои прогнозы, как я уже говорил, — предшествующие колебания цен. Вся нужная информация была у меня в голове. Это похоже на то, как делают ставки на скачках. Я подбирал акции, которые «улучшали форму», и «хронометрировал» их.

5

К примеру, можно поймать момент, когда покупать немного прибыльнее, чем продавать. На бирже кипит битва, и лента телеграфного аппарата (тикерная лента), будто подзорная труба, дает возможность отслеживать происходящее. В семи случаях из десяти она не подводит.

В самом начале я уяснил: на Уолл-стрит глобальных перемен не происходит. Ничего нового и быть не может — спекуляция существует с начала времен. Ситуация, которая сложилась на бирже сегодня, бывала и раньше и не раз сложится потом. Каждый случай на бирже я отлично запоминаю. Стоит приложить немного усилий, и в памяти всплывают время и обстоятельства произошедшего события. Память позволяет мне получать доход от своего основного капитала — личного опыта.

Я до такой степени погрузился в свою игру и с таким увлечением пытался предугадать повышение и понижение курсов активных акций, что завел отдельный блокнот, куда заносил свои наблюдения. Это не были записи о воображаемых миллионных сделках, которыми забавляются многие без риска разбогатеть или прогореть. Скорее, дневник, где я записывал мои успехи и просчеты. Волновала меня в первую очередь точность моих прогнозов и выводов: прав я или нет.

Допустим, разобрав изменения котировок активных акций за день, я приходил к заключению, что цены ведут себя так, как обычно вели себя перед скачком на 8–10 пунктов. В таком случае я, к примеру, в понедельник отмечал в своем блокноте сегодняшнюю стоимость определенных акций и, вспоминая их предыдущее поведение, делал прогноз их стоимости на вторник и среду. После чего сверял свои оценки с настоящими данными, полученными от биржевого телеграфа.

6

Вот и причина моего живого интереса к сведениям от биржевого телеграфа. Колебания котировок, отраженные на тикерной ленте, изначально вызывали у меня ассоциации с движением вверх

или вниз. Конечно, на колебания всегда влияют какие-то факторы,

• • • • •

**Память позволяет
получать доход от
основного капитала —
личного опыта.**

но лента телеграфа не может ответить на вопросы «зачем?» и «по какой причине?». Она не выдает версий и пояснений. Я не задавал ленте вопросов в 14 лет, не задаю и сейчас, спустя четверть века. Бы-

• • • • •

вает, нужны дни, недели, даже месяцы, чтобы всплыли причины сегодняшнего поведения каких-то акций. Да так ли это важно? Принимать во внимание колебания котировок надо прямо сегодня, не завтра. С поиском причин можно повременить. Если не начать действовать сразу же, тебя оставят позади. Вот такой итог моих непрерывных наблюдений. Скажем, берешь на заметку, что

сегодня акции какой-то компании по непонятной причине опустились на три пункта, а на рынке в целом в то же время отмечался резкий рост. Это действительно так. Вскоре всплывает информация, что директора компании приняли решение не платить дивиденды. Что ж, весомая причина. В правлении знали, что делали. Даже не сбрасывая ценные бумаги своей компании, они не занимались их скупкой. Раз инсайдеры не покупали акции, оставшиеся без поддержки ценные бумаги, естественно, упали.

Я вел свой подсчет попаданий и промахов около шести месяцев. После работы я не торопился покинуть контору, а заносил цифры, привлекшие мое внимание, в блокнот, анализируя колебания, постоянно находя совпадения и соответствия в поведении акций. Одним словом, я осваивал чтение тикерной ленты, даже не понимая этого.

Как-то раз во время обеда ко мне подсел один из сотрудников, старше меня на несколько лет, и негромко спросил, нет ли у меня свободных средств.

— С чего такой интерес? — полюбопытствовал я.

— Видишь ли, — ответил он, — хорошие люди подсказали мне насчет акций Burlington. Я бы рискнул сыграть, но не в одиночку.

— В каком смысле «ты бы рискнул»? — не поверил я своим ушам. В то время я был уверен, что такие игры доступны только клиентам — богатым пройдохам преклонных лет. Для участия в подобных затеях необходимы суммы как минимум с тремя нолями. Это казалось таким же невероятным, как появление у меня личного кабриолета с кучером в черном цилиндре.

— В прямом! Сколько можешь вложить?

— А какая сумма нужна?

— Можно за пять долларов взять пять акций.

— А как ты это хочешь проверить?

— Вложу наши деньги в качестве залоговой маржи. И возьму акции Burlington в бакет-шопе на всю сумму. Не прогадаем! Это как бумажник на улице подобрать. Вмиг прибавим денег!

— Постой.

Я раскрыл свой заветный блокнотик. Меня не так волновала прибыльность предложенной игры, как информация о подъеме акций Burlington. Если сведения верны, в моем блокноте найдутся подтверждения. В самом деле, по прикидкам, поведение ценных бумаг Burlington совпадало с тем, как они вели себя перед повышением курса. Раньше у меня не было опыта ни в покупках, ни в продажах. Я был далек от азартных игр, даже тех, в которые играют дети. Но я понимал, что это отличная возможность убедиться в точности моих наблюдений и выводов. Я не мог не осознавать, что грош цена моим выкладкам, если они провалятся на практике. Так что я вложил все свои деньги в руки коллеги. Он в одном из бакет-шопов на всю сумму приобрел акции Burlington. Уже к концу недели я сорвал куш — 3 доллара и 12 центов!

8

Первая удача окрылила меня, и я занялся спекуляциями самостоятельно. Во время перерыва на обед я отправлялся в бакет-шоп неподалеку и что-либо приобретал или продавал — что именно, для меня роли не играло. Важны были принцип и система. Акции, интересовавших меня больше других, не существовало, а важность чужого мнения сводилась к нулю. Мой ум был занят исключительно математическими подсчетами. Надо сказать, что это был лучший подход для того, кто использует бакет-шопы, ведь там делаются ставки на изменение цен, выдаваемое тикерной лентой.

Прошло совсем немного времени, и игра на колебании курса акций стала заметно доходнее, чем работа на бирже. Поэтому я уволился. Семья поначалу была против, но, разобравшись в причинах, они пошли навстречу. Мне тогда было еще далеко до совершеннолетия, моя работа приносила мало денег. А вот игра стала источником значительно более солидных доходов.

Когда я, пятнадцатилетний паренек, вручил матери свою первую, заработанную меньше чем за полгода в бакет-шопах

тысячу, она была сильно взволнованна. Мама настаивала, чтобы я отправился в банк и внес деньги на депозит, от греха и искушений подальше. Она говорила, что не знает случаев, когда подросток моего возраста смог бы заработать такую сумму, не имея за душой ни гроша. У нее были даже сомнения в том, что купюры настоящие. Мама была полна опасений и беспокойства. Я же горел идеей и дальше подтверждать на практике верность моих прогнозов. Было невероятно захватывающе добывать деньги собственной головой! Раз уж я не ошибался, испытывая правильность своих расчетов на десятке акций, то проделать то же самое с сотней ценных бумаг будет в десять раз безошибочнее. Поднимающиеся ставки и увеличивающаяся прибыль лишь подтверждали верность моего подхода. Необходимо ли большая решимость для больших ставок? Нет! Никакой роли она не играет. Скорее наоборот: когда в твоём распоряжении всего 10 долларов, надо обладать в разы большей решимостью, чтобы поставить их, чем когда рискуешь суммами в тысячи раз крупнее, имея столько же про запас.

9

При всем том к шестнадцати годам мои доходы на фондовой бирже были уже весьма значительны. Самыми первыми бакет-шопами, в которых я начинал, стали мелкие конторы, где игрока, бравшего два десятка акций сразу, воспринимали как переодетого банкира или развлекающегося под чужим именем магната. В подобных конторах операции проводились, как правило, честно. Да и к чему жульничать, если находилось немало иных способов нажиться на клиентах, даже при условии, что они верно оценивали колебание курса. Дело было невероятно доходным. При соблюдении законов выгода бакет-шопа обеспечивалась происходящими изменениями курса, срезающими не крупные ставки. Если залоговая маржа всего три четверти пункта, хватает небольшого изменения котировок в обратную сторону, чтобы она оказалась перекрытой. Игроки, которые хотя бы однажды ушли, не расплатившись

по долгам, навсегда теряли возможность воспользоваться услугами бакет-шопа.

Я работал один, нужды в партнерах по бизнесу у меня не было. К чему мне компаньоны, когда все, что требуется для работы, заключено у меня в голове? Курс акций либо будет изменяться по моим расчетам, либо нет. Ни в том, ни в другом случае наличие помощников никак не повлияет на ситуацию. По этой причине свои дела я вел самостоятельно, никого не привлекая и не задействуя. Друзья, естественно, у меня были, но я не посвящал их в тонкости своего бизнеса.

10 Конечно, мои постоянные выигрыши очень быстро сделали меня, мягко говоря, не самым желанным гостем бакет-шопов. Мои ставки отказывались принимать, отсылая в другие заведения. В ту пору я и получил репутацию юного хвата. Я вынужден был кочевать из одного бакет-шопа в другой и делать ставки у разных брокеров. Бывало и такое, что мне приходилось даже указывать ненастоящее имя. Первый мой заход всегда был скромным — не больше 20 акций. Случалось идти на хитрость: когда я замечал подозрительность во взглядах, я специально ставил на проигрышные варианты, чтобы затем уже нажать по-крупному. Само собой, проходило совсем немного времени, и владельцы обнаруживали, что я заметно уменьшаю их доходы, и тут же следовало предложение уйти добром и не мешать им набивать карманы.

Как-то раз, когда меня выставили за дверь весьма солидной конторы, где я делал ставки не первый месяц, у меня возник план забрать у них напоследок крупную сумму. Как я уже сказал, фирма была серьезная и имела множество отделений. Я отправился в отель, где было одно из них. Немного побеседовав с управляющим, я вступил в игру. Едва я начал, в контору позвонили из центрального офиса и заинтересовались, кого в данный момент обслуживает менеджер. С этим вопросом он обратился ко мне, я представился Эдвардом Робинсоном из Кембриджа.

Менеджер так и передал начальству. Но там не унимались и потребовали описать мою внешность. Об этой просьбе работник конторы мне тоже сообщил.

— Скажите, что я толстый недомерок с черной бородкой.

Но менеджер предпочел описать мою реальную наружность. Выслушав ответ начальства, он покрылся красными пятнами, швырнул трубку на рычаг и приказал мне убираться.

— Могу я узнать, что вам ответили? — все-таки спросил я перед выходом.

— Мне ответили: «Болван, ты разве не в курсе, что нельзя связываться с Ларри Ливингстоном? Ты сейчас позволил ему облапошить нас на семь сотен!

Конечно, он не рассказал мне в полной мере все то, что высказало начальство в его адрес.

Мои попытки сыграть в других отделениях тоже закончились крахом — ни в одном из них от меня ставки даже не рассматривали. Более того, просто зайти туда, чтобы увидеть курсы акций, было невозможно без того, чтобы кто-то из работников не стал выпроваживать меня. Я пытался договориться посещать их отделения изредка и по очереди, но и это не сыграло.

В конце концов единственной фирмой, куда меня еще пустили, остался *Cosmopolitan*, солиднейшая и богатейшая контора из всех.

Ее рейтинг не мог побить никто, и клиентов у нее было огромное множество. Конторы *Cosmopolitan* были в каждом мало-мальски значимом городе Новой Англии. Здесь отношение ко мне было таким же, как ко всем остальным игрокам. Почти полгода я совершал покупки и продажи ценных бумаг с переменным успехом. Но итог все-таки был тот же. Меня не выгнали вон, подобно маленьким фирмам, но не из благородства, а потому, что это ударило бы по имиджу компании. На репутации *Cosmopolitan* могло появиться пятно, если бы стало известно, что клиенту указали на дверь за то, что ему повезло слегка

обогатиться. Здесь поступили иначе. Компания сделала все, чтобы затруднить мой путь к успеху. Для начала они подняли залоговую маржу до трех пунктов, после чего с меня затребовали дополнительную оплату в полпункта, затем она выросла до пункта, а вскоре превратилась в полтора пункта. Такая политика позволяла клерку снижать риски при работе со мной. Каким образом? Да элементарно! Допустим, акции U. S. Steel вы приобрели по 90 долларов. В квитанции указано: «Приобретено 10 U. S. Steel по $90\frac{1}{8}$ ». Когда ваша залоговая маржа составляет 1 пункт, если цена упадет ниже $89\frac{1}{4}$, ваши деньги пропадут. К клиентам в бакет-шопах не обращались с требованием внести дополнительную оплату или закрывать позиции за доступную сумму. Фирма своей волей закрывала позиции и оставляла себе вложенный залог.

12

Введением премии в Cosmopolitan перегнули палку. О чем я? Все просто. Если приобретались акции по 90 долларов, в квитанции указывалось уже не прежнее «Куплено 10 Steel по $90\frac{1}{8}$ », а «Куплено 10 Steel по $91\frac{1}{8}$ ». Получалось, что цена акции могла увеличиться на пункт с четвертью, а я находился бы по-прежнему в минусе, если бы решил закрывать позицию при такой котировке. Сама необходимость вносить залог величиной в три пункта в три раза снижала заем, предоставляемый фирмой, получается, и возможность прибыли.

Так или иначе, Cosmopolitan оставалась единственной фирмой, где я мог получать доход. Выбор был невелик: соглашаться на их условия или оставить бизнес.

Конечно, я и выигрывал, и проигрывал, хотя в целом оставался в плюсе. Но все те меры, которые приняла Cosmopolitan, создав себе невероятные преимущества, не удовлетворили менеджеров компании, пытавшихся выдвинуть меня из игры. Поняв, что я так легко не сдамся, они решили похоронить меня навсегда. К счастью, их план не удался — меня выручило мое чутье.

Cosmopolitan, повторюсь, осталась единственной фирмой, где я мог зарабатывать. Богатейшая среди бакет-шопов Новой Англии, она не лимитировала объем сделок. Наверное, не ошибусь, если скажу, что среди завсегдатаев бакет-шопов я был для них самым опасным. Cosmopolitan не скупилась на оборудование, такой огромной и содержательной доски с котировками я не встречал больше нигде. Целая стена внушительного по размерам зала была отдана под нее. Здесь были записаны курсы всевозможных акций — от металлов и древесины до зерна и хлопка — с бирж Нью-Йорка, Чикаго, Ливерпуля или Бостона.

Процесс работы бакет-шопов всем давно известен. Клиент отдает деньги менеджеру и сообщает, что намерен продать или купить. Клерк сверяется с тикерной лентой или доской котировок и выясняет там цену акций, естественно, самую актуальную на тот момент. Затем он вносит данные о времени покупки или продажи. В общем, все очень сильно походило на реальный отчет брокера о том, что он, являясь вашим представителем, приобрел или продал некое количество ценных бумаг такой-то компании по такому-то курсу, в указанную дату и время, получив от вас такую-то сумму. Когда вы понимали, что пора закрывать позицию, вам надо было обратиться к менеджеру

(к любому свободному или к тому же, в зависимости от правил конторы) и сказать ему об этом. Работник конторы записывал последнюю по времени котировку, либо, если ваши ценные бумаги за это время не проявили активно-

сти, ожидал, когда сведения об их курсе будут на телеграфной ленте биржи. Он фиксировал котировку и время, подписывал вашу квитанцию, и вы отправлялись к кассе за причитающейся

• • • • •

В бакет-шопх не требовали вносить дополнительную оплату или закрывать позиции за доступную сумму.

• • • • •

суммой. Естественно, если колебания курса были не в вашу пользу и убыток доходил до суммы залога, эта позиция закрывалась, и у вас в руках оставалась ничего не стоящая бумажка.

В бакет-шопах мелких компаний, в которых можно было приобрести или продать даже несколько акций, квитанции были более чем скромными — узенькие листочки, отличающиеся по цвету в зависимости от того, продаете вы или покупаете. В периоды стабильного роста рынка таким заведениям жилось несладко — все игроки ставили на повышение, были «быками» и в большинстве своем получали прибыль. В таких случаях эти конторы устанавливали комиссионные взносы за любой вид операций. Если вы, например, приобретали акцию за 20 долларов, в квитанцию проставляли сумму 20¼. Получалось, что позволительный убыток на любой пункт маржи не перекрывал три четверти пункта.

14

Среди тысяч клиентов Cosmopolitan, являвшейся гигантом среди остальных брокерских компаний, я, пожалуй, представлял для них наибольшую угрозу. Три пункта залоговой маржи, чудовищная премия так и не дали желаемого результата — я по-прежнему не снижал объемов своей работы, используя максимум возможностей в пределах, которые мне были здесь доступны. Мои операции по продаже и покупке достигали таких масштабов, что я порой становился обладателем пакета в несколько тысяч акций.

Попытка Cosmopolitan обставить меня была предпринята в тот момент, когда я совершил короткую продажу (иначе говоря, шортировал) трех с половиной тысяч акций Американской сахарной компании. Мне выдали 7 квитанций розового цвета, каждая из них была на 5 сотен акций. Квитанции отличались солидным размером: Cosmopolitan хотела всегда иметь возможность дописать на полях прибавочную залоговую маржу.

Само собой, в брокерских конторах игрокам не делали предложений о дополнении залоговой маржи. Бакет-шопам были

выгодны ее минимальные размеры, поскольку львиную долю прибыли они срывали, когда цена преодолевала границы маржи и клиент, оставляя весь залог конторе, выбывал из игры. Когда же вы все-таки намеревались в бакет-шопе поднять маржу и таким образом раздвинуть возможные пределы изменения курса, вам давали еще одну квитанцию. Делалось это для того, чтобы получить с вас комиссионный сбор за покупку, да еще и на каждый заявленный пункт маржи разрешалось изменение курса только на три четверти пункта, так как они добавляли и комиссионный сбор за продажу, будто оформлялся новый заказ.

В тот самый день моя залоговая маржа составляла 10 тысяч долларов.

В двадцать лет я уже имел наличными свои первые 10 тысяч долларов. По мнению моей матери, такой суммой наличными, кроме ее сына, не обладал никто, ну разве что Рокфеллер. Она упрасивала меня бросить свое занятие и выбрать дело, более достойное доверия. Доказать ей, что в моем способе зарабатывать деньги нет и тени азарта и все строится на математических подсчетах, было очень сложно. В ее глазах 10 тысяч долларов были фантастическим капиталом, а для меня они представляли лишь средство увеличивать залоговый депозит, а в итоге — и масштабы своего дела.

Сумма, положенная мной на депозит, давала мне возможность короткой продажи трех с половиной тысяч ценных бумаг Американской сахарной компании по 105¼. В зале на тот момент был еще один клиент, Генри Уильямс, ставивший на снижение курса, в его распоряжении было 2,5 тысячи акций. Как правило, я находился возле телеграфного аппарата и озвучивал с ленты котировки мальчику, заносившему их на доску. Котировки менялись точно по моим прогнозам. Цена вскоре упала на два пункта и застыла, будто готовясь опуститься еще ниже. Обстоятельства вроде бы обнадеживали, на рынке волнений не наблюдалось. Но мне не давали покоя эти мельчайшие изменения котировок.

Я почувствовал что-то неладное. Меня тянуло сию минуту уйти. Акции Американской сахарной компании как раз достигли цены 103 доллара (нижний предел этого дня), но вместо растущего убеждения в верности своих расчетов я ощущал смутную тревогу. Неясность надвигающейся угрозы лишала меня возможности противостоять ей. Я решил закрыть позицию и покинуть контору.

Понимаете, я не работаю наугад. Не мой метод. Такого я себе не разрешаю. Еще в раннем детстве мне хотелось разобраться, для чего надо делать то или иное. В данный момент не существовало видимых поводов для выхода из игры, кроме неясного беспокойства. Я обратился к своему знакомому по имени Дейв Уимен:

16 – Дейв, есть к тебе небольшая просьба. Замени меня у тикерной ленты, и когда появится следующий курс акций Американской сахарной компании, приостанови объявление котировки на пару-тройку секунд, договорились?

Дейв кивнул и занял стул возле телеграфного аппарата, чтобы сообщать котировки мальчику. Приготовив свои розовые квитанции, я отправился к менеджеру, заполнявшему бумаги для закрывающих свои позиции. У меня еще не было твердой уверенности, что поступаю правильно, и я просто остановился рядом с ним, расположившись так, что мои квитанции были ему не видны. Через несколько секунд ожил тикерный аппарат, и Том Бернхем, менеджер, весь превратился в слух. В этот момент я четко уловил, что вот-вот произойдет какое-то жульничество, и сделал выбор. В ту же секунду Дейв Уимен произнес: «Сахар...», а я кинул клерку семь квитанций и закричал: «Закрывай сахарные!» Мой вопль прозвенел до того, как прозвучала новая котировка, и менеджер должен был принять мои квитанции по предыдущей цене. Котировка, озвученная Дейвом, осталась прежней — 103 доллара.

Когда я делал прогноз, ценные бумаги именно в это время должны были упасть ниже названной суммы. Но что-то пошло